

на своих местах и быть особенно осторожным, когда авторитет этнографа покоится на авторитете художника.

В чем важность понимания нарративных стилей? — размышляет в заключении книги Гирц. Прежде всего в том, что наше время требует повышенной честности ученого, и мы должны, наконец, открыть глаза на долго бытовавшее профессиональное заблуждение, что существует некий нейтральный уровень научного языка, которым якобы говорит «истина фактов», оставляя где-то в стороне автора с его прихотями и эмоциями. На самом деле, независимо от стилистического показа или не-показа повествователя, автор всегда присутствует в тексте с его естественной потенциальной целью — *убедить*. Но если мы можем вскрыть авторские убеждающие механизмы и проанализировать их, то дела обстоят не так уж плохо. «Раз мы начали смотреть на этнографические тексты так же, как и через них, раз мы видим, что их нужно создавать и создавать, чтобы убеждать, — пишет Гирц, — у тех, кто создает их, будет уже несколько больше дел, за которые они отвечают» (с. 138). Знание нарративных стилей, добавляет Гирц, оказывается весьма полезным, когда нам приходится преодолевать наши частные предубеждения «авторитетности». Авторитеты обладают известной властью. И если нам случится поехать к азаме и не обнаружить у них той социальной структуры, которую обнаружил Эванс-Причард, мы скорее усомнимся в своих способностях, чем в его. Но для всех этнографов и во все времена, говорит Гирц, существовало и существует «столкновение» с листом бумаги. И нередко именно оно (как, например, для Грегори Бейтсона) становится более затруднительным, чем собственно контакт с изучаемой культурой. Потому не удивительно, что многие антропологи стараются доказать подлинность этого контакта либо детальными описаниями природы, либо пространными философскими рассуждениями, мало относящимися к существу дела.

Проблема описания существовала всегда — просто во времена Боаса ей не придавалось какого-то социально значимого статуса. Основные трудности связывались с полевой работой, но никак не с дискурсивной практикой. Хотя ради справедливости нам надо отметить, что уже в 1930-х годах А. Кребер упрекал Маргарет Мид за ее плавные импрессионистские «пассажи», составленные из разрозненных «улик», «украденных» у чужой культуры. Но, безусловно, время было другим. Еще до вчерашнего дня, говорит Гирц, этнографические сочинения могли покоиться на том, что объект антропологии и ее аудитория морально разобщены и разделены надежной непроверяемой стеной. Сегодня все изменилось — и в мире Малиновского, и в мире занде и бороро. Объект антропологии сам стал ее аудиторией. И соответствующие изменения должны найти свое выражение на страницах антропологических работ, которые до сих пор стараются изобразить этнографическую реальность в идеалах давно ушедших времен. Сознательности каждого ученого, говорит Гирц, это касается в той самой мере, что пора отказаться от подмены познавательных действий нарративными уловками (не насущно ли это для отечественной науки, где, не в обиду будет сказано, нередко на трехстах страницах текста нельзя вычитать ничего, кроме вязи бесконечных предложений, лишенных содержания!). А отмеченный кризис в культурных описаниях и эпистемологическая «лихорадка» предстают для нас пока неизбежными. Это чисто современное явление, вызванное развитием мира, где становится все труднее и труднее освободиться от чужих путей и идти только по собственному. «Это то, — заключает Гирц, — как обстоят дела для нас сегодня. Это то, как они не обстояли для сэра Эдварда Эванс-Причарда».

А. Л. Елфимов

Примечания

¹ Marcus G. Afterword: Ethnographic Writing and Anthropological Careers // *Writing Culture*. Berkeley, 1986. P. 262.

² *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography* / Eds. G. Marcus, J. Clifford. Berkeley, 1986.

³ Gellner E. The Stakes in Anthropology // *American Scholar*. 1988. V. 57. № 1.

⁴ Никушенков А. А. Из истории английской этнографии: Критика функционализма. М., 1986.

⁵ Барт Р. Писатели и пишущие // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 135.

⁶ Rosaldo R. From the Door of His Tent // *Writing Culture*. P. 90.

© 1992 г., ЭО, № 6

А. Ю. Рудницкий. Другая жизнь и берег дальний... Русские в австралийской истории. М., 1991. 192 с.

Первые сведения о таинственном «южном материке» проникли в Россию в конце XVII — начале XVIII в., но корабль под андреевским флагом впервые посетил Австралию в 1807 г., вскоре после начала эпохи русских кругосветных плаваний. Регулярные заходы российских судов в Порт-Джексон (Сидней), Мельбурн и другие города пятого континента способствовали развитию дружественных отношений между русскими моряками и британскими поселенцами, а участники этих плаваний

оставили интересные описания культуры и быта поселенцев и аборигенов, их непростых взаимоотношений, привезли богатые музейные коллекции. Правда, с середины XIX в. дружеские чувства, которые поселенцы питали к России, дополнились, а порой и вытеснялись страхом перед «русским медведем», что отражало как осложнения в отношениях между Российской и Британской империями, так и особенности социальной психологии сравнительно немногочисленных новых обитателей огромного континента, почти не защищенного от вторжений.

Видную роль в развитии русско-австралийских связей сыграл П. Н. Миклухо-Маклай, который в 1878—1887 гг. в общей сложности около 7 лет прожил в Австралии. Русский ученый пользовался большой известностью в британских колониях, позднее создавших Австралийский Союз. Местные историки справедливо считают его одним из пионеров научных исследований на пятом континенте¹.

Если в первой половине XIX в. русские поселенцы в Австралии насчитывались буквально единицами, то во второй половине столетия и в начале XX в. сотни и даже тысячи россиян отправлялись туда в поисках лучшей жизни. В основном это была трудовая иммиграция, но в ее составе, особенно после поражения революции 1905 г., было немало изгоев — русских революционеров, принявших активное участие в австралийском рабочем движении. Полая волна, на сей раз «белой» иммиграции, докатилась до Австралии после гражданской войны в России. В какой-то мере продолжением этой волны было переселение «харбинцев» — русских из Маньчжурии и некоторых других районов Китая. Их иммиграция на пятый континент развернулась в 30-е годы, в период китайско-японской войны и получила новый импульс в годы китайской «культурной революции». Еще один крупный поток выходцев из России направился в Австралию после второй мировой войны. Это были так называемые ди-пи («перемещенные лица»). В настоящее время русская община в Австралии насчитывает, по разным оценкам, от 42 до 55 тыс. человек².

Тема «Русские в Австралии» уже длительное время привлекает внимание зарубежных исследователей³. О своей общине, ее вкладе в историю и культуру пятого континента пишут и сами «русские австралийцы»⁴. Что же касается отечественных исследователей, то они освещали лишь отдельные аспекты темы — заслуги русских путешественников в изучении Австралии, этнические процессы в этой стране, историю русской революционной иммиграции, русско-австралийские культурные связи и т. д. Однако до сих пор не было создано обобщающей работы, рассказывающей о той роли, которую русско-австралийские контакты сыграли в жизни самой Австралии, об участии русских иммигрантов в общественно-политическом и экономическом развитии страны, об эволюции представлений австралийцев о России и ее народах. Рецензируемая книга в первом приближении восполняет этот пробел.

Книга основана на изучении широкого круга первоисточников и обширной литературы — трудов русских моряков и путешественников, архивных документов, прессы, в том числе иммигрантских изданий, работ русских и зарубежных исследователей. Важно и то, что автор сам неоднократно бывал в Австралии и знакомился с жизнью выходцев из России на «дальнем берегу». Вероятно, поэтому, на мой взгляд, наиболее интересна последняя глава, охватывающая послевоенный период. В ней явно ощущается эффект «авторского присутствия», наряду с общими сведениями и статистическими выкладками живо рассказано о судьбе нескольких семей и отдельных представителей русской общины, помещены фотографии православных храмов и других центров общественной жизни «русских австралийцев».

Как справедливо подчеркивает автор, русская община занимает прочные позиции в австралийском социуме. В стране действует несколько русских иммигрантских организаций разной политической направленности, выходят русские газеты и журналы, ведутся радио- и телерадиопередачи на русском языке, функционируют 32 русские церкви. Русская община дала Австралии немало талантливых инженеров, писателей, художников и ученых, в том числе известного этнографа и антрополога В. В. Поносова, переселившегося в эту страну в 1961 г. из КНР.

Мне, как исследователю жизни и творчества П. Н. Миклухо-Маклая, не может не imponировать, что автор посвятил специальную главу этому выдающемуся ученому и путешественнику. Но, к сожалению, в ней в основном говорится о его деятельности на островах Океании, а не на пятом континенте. Впрочем, тема «Миклухо-Маклай в Австралии» настолько широка и многогранна, что заслуживает специального обстоятельного исследования, основанного на материалах австралийских архивов и других первоисточников⁵.

В наши дни история как бы ускорила свой бег, а потому рецензируемая книга, создававшаяся в 1989—1990 г., уже в чем-то устарела: распался СССР, да и в Австралии в последние годы произошли значительные перемены, в том числе в сфере межэтнических отношений.

На нескольких улицах и на пляже сиднейского района Бондай звучит русская речь. Этот уголок Сиднея, пусть в миниатюре, начинает напоминать пресловутый нью-йоркский Брайтон-бич — ясное, возможно, отражающее новый этап в истории российской иммиграции в Австралию. Пожалуй, это еще не поток, а ручеек, и среди новых иммигрантов пока преобладают не собственно русские, а так называемые русскоязычные переселенцы (преимущественно евреи). Но, как и в прошлом, не всегда легко отделить одних от других. Достаточно вспомнить, что среди русских мореплавателей, посетивших Австралию в первой половине XIX в., было немало немцев по происхождению, что русская и украинская общины в этой стране спорят по поводу национальной принадлежности Миклухо-Маклая⁷. Вообще история Австралии, как и многих других стран, ставит трудные вопросы перед ревнителями этнической и расовой чистоты.

«Тирания расстояния», определявшая относительную изоляцию пятого континента, отступает в прошлое как благодаря революционным изменениям в средствах транспорта и связи, так и перед императивами международного развития, ведущими к экономической и политической интеграции стран азиатско-тихоокеанского региона. В этом контексте становится особенно очевидной необходимость

сближения и взаимодействия России и Австралии. По это невозможно без освобождения от мифов, без непредвзятого изучения и осмысления истории русско-австралийских связей. Интересно и умно написанная книга А. Ю. Рудницкого способствует наведению мостов между двумя странами, которые, как справедливо отмечает автор, теперь не только разъединяет, но и сближает Тихий океан.

Д. Д. Тумаркин

Примечания

- ¹ См.: 100 Years of Australian Scientific Explorations/Ed. Stanbury P. Sydney, 1975. P. 15—24.
- ² The Australian People. An Encyclopedic Dictionary. Sydney, 1988. P. 124; Price Ch. Russians in Australia: A Demographic Survey//Russia and the Fifth Continent. Aspects of Russian-Australian Relations. St. Lucia, 1992. P. 78.
- ³ См., например: Barratt G. The Russians and Australia. Vancouver, 1988.
- ⁴ Хотимский К. Русские в Австралии. Мельбурн, 1957.
- ⁵ См., например: Кабо В. Р. А. Л. Яценко и его путешествие в Австралию//Сов. этнография. 1957. № 6; Петриковская А. С. К истории российско- и советско-австралийских связей//Страны Тихого океана. М., 1988; Пучков П. И. Этническое развитие Австралии. М., 1987. Черненко А. М., Гоцуляк В. В. Русская революционная эмиграция в Австралии (1900—1917). Днепропетровск, 1978.
- ⁶ Опубликованная недавно статья на эту тему (Butinov N. A. Miklouho-Maclay in Australia//Russia and the Fifth Continent. P. 39—53) почти не содержит новых фактических материалов и тоже в значительной степени посвящена деятельности Миклухо-Маклая на островах Океании и его борьбе в защиту островитян.
- ⁷ См.: Chub Dm. New Guinea Impressions (In the Footsteps of Myklukho-Maklay). Newport, 1981, а также критический отзыв на эту книжку: Hotimsky C. M. Book Reviews//Newsletter of the Miklouho-Maclay Society of Australia. 1985. V. 6. № 1. P. 14—15. Побывав в Сиднее в мае—июле 1992 г., я убедился в том, что эти разногласия еще более обострились после распада СССР и проявляются, в частности, в спорах по поводу создания музея и культурного центра в доме, где в 1884 г. жил П. Н. Миклухо-Маклай.

№ 1992 г., ЭО., № 6

В. А. Балашов. Бытовая культура мордвы. Традиции и современность. Саранск, 1992. 255 с.

Сокращение в последние годы тиражей научной (в меньшей степени научно-популярной) литературы приводит к тому, что некоторые даже значительные по своему содержанию работы могут довольно долгое время оставаться не известными специалистам, работающим в той же области знаний. Это особенно относится к книгам периферийных авторов, в том числе — к живущим в национальных республиках Российской Федерации, а в частности к рецензируемой книге, опубликованной тиражом в 1 тыс. экземпляров, что никак не соответствует актуальности темы, научной значимости этого произведения, да и его полезности для анализа процессов, проходящих в многонациональном Поволжье. Ее автор — известный мордовский историк и этнограф В. А. Балашов — как бы подвел своей книгой итог длительных исследований по этнографии мордвы и заложил базу для аналогичных исследований соседних этносов, в том числе и живущих там русских.

Тематика «бытовой культуры» или просто «быта» (в книге эти понятия употребляются по существу однозначно) занимает центральное место во всех традиционных этнографических исследованиях. При этом содержание «быта» как комплекса устойчивых повседневных форм жизни людей понимается большинством этнографов в широком смысле, включающем «общественный быт» и «производственный быт», которые обществоведы — философы и социологи обычно исключают из этого понятия. Широкого понимания «быта» придерживается и В. А. Балашов, тем более что основное внимание он уделяет сельской мордве, а у нее общественный и производственный быт гораздо более тесно связан с семейным, чем у горожан. Впрочем, большинство городской мордвы, по крайней мере в Мордовии, к территории которой привязаны основные материалы, использованные автором, представляет собой сравнительно недавних переселенцев из сельской местности, сохранивших многие черты деревенского быта. Рассматривая понятие «быт», должен сказать, однако, что широкое толкование его советскими этнографами как комплекса устойчивых и типичных черт повседневной жизни людей не претворяется ими в практике исследований: если следовать логике, то в него нужно было бы включить и повседневно-«повсеночную» сексуальную жизнь людей, в которой есть немало специфических этнокультурных традиций и установок, но которая до сих пор стыдливо-ханжески обходится вниманием. В этом отношении нам, видимо, придется действительно учиться у зарубежных этнографов (культурных или социальных антропологов).

В структурном отношении книга В. А. Балашова делится на три части, названные соответственно: «Бытовая культура мордвы во II половине XIX — начале XX века», «Бытовая культура сельской мордвы в советское время» и «Общественный быт». Эти части разделяются на отдельные тематические